

Музыка в эфире

Бьющееся в конвульсиях острой финансовой недостаточности «Останкино» передачи о серьезной музыке сократило до минимума: уцелели лишь самые значимые. Бесспорный лидер среди них «Музыка в эфире».

С ведущим программы Святославом Бэлзой я встретился во время съемки передачи в честь пятидесятилетия Гнесинской школы. Вылощенный, европеизированный, в жизни он держится столь же непринужденно, как в эфире.

— Серьезного музыкального образования у меня нет, — отвечает Бэлза на вопрос, трудно ли музыканту добиться признания на журналистском поприще, — только домашнее. В доме отца, Игоря Бэлзы, профессора Московской консерватории, бывали в гостях композиторы Шебалин, Шапорин, Мясковский. В глубине души родители, конечно, мечтали, что я стану музыкантом. Но я до сих пор с ненавистью вспоминаю этиody

Черни и большую неудобную папку, в которой приходилось носить ноги! После школы решил стать филологом. Родители смирились. Они и сами никогда не были людьми, посвятившими себя только одному делу. Отец, человек четкой гуманитарной ориентации, долгие годы возглавлял Дантовскую комиссию. Мать, врач по образованию, написала пять книг. На троих у нас в доме было 4 пишущие машинки...

Чтобы объединить любовь к научной филологии и журналистике, я сам себе придумал жанр — предисловия. Всего, как опытный авантюрист, написал их около 70: к изданиям Шекспира, Оскара Уайльда, Эдгара По, Чарльза Сноу, Жюль Верна, Оноре Баль-

зака, Станислава Лема, Грэма Грина. Думаю, что было создано мной в этом амплуа, считаю статью к «Трем мушкетерам». Страстный поклонник Александра Дюма, я воспринял возможность написать о нем как большую честь. Вторым достижением стала книга «Ното legends», давшая имя магазину на Zubovском бульваре. Увеличенная до го-лических размеров, она красуется в его витрине в качестве приманки.

— Но все же у вас, наверное, есть самое любимое, самое важное занятие...

— Главное дело — «Музыка в эфире». Действуя по принципу — воесвать не числом, а умением, стараюсь повысить ее качество, не расширяя круг участников. Образцом для меня в этом отношении стал Герберт Караян. О том, как требователен он был к оркестрантам, знают все. Не менее взыскательный и к себе самому, на склоне лет дирижер выкупил авторские права на все свои записи, прослушал и те, которые ему почему-либо не понравились, уничтожил.

Логическим продолжением работы «Музыки в эфире» стала международная благотворительная программа «Новые имена».

— А как «состоялась» сама «Музыка в эфире»?

— Сначала я брался за все, чтобы программа заработала себе имя, иногда шел даже на трюки. Например, показал, как Евгений Светланов, пользуясь возможностями телемостов, из-за рубежа управлял оркестром. Правда, между тем, что он показывал музыкантам, и тем, что они играли здесь в студии, был разрыв в полторы секунды —

столько времени дебирались радиоволны. В записи мы совместили оба изображения и зрители ничего не заметили...

Теперь имя передачи работает на нас, позволяя делать то, что приятно, и отказываться от того, что не нравится. Благодаря программе я познакомился с крупными мастерами искусства, которые по старой дружбе дают снимать себя бесплатно. Это позволяет нам не только сводить концы с концами, но и показывать самое лучшее.

В прошлом году нам ужали эфир до полутора часов, в этом остался час, зато перенесли его с будней на воскресенья. Мечтаю о создании телеканала, аналогичного радио-программе «Орфей». К сожалению, финансовые проблемы делают это почти невозможным. В прошедшем времени приходится говорить и о приобретении прав на прямую трансляцию, благодаря чему удалось показать спектакли с участием Ичано Паваротти и Пласидо Доминго. Возможно, это был последний праздник любителей оперы.

— Чем вы объясните, что в провинции «Музыку в эфире» смотрят охотнее, чем в Москве?

— Астрономические цены транспортных услуг и гостиниц сделали гастрольную деятельность музыкальных коллективов практически невозможной. Телевидение теперь единственный источник культурной информации, и он день ото дня оскудевает.

Андрей ВЕЙМАРН